

Как мы строили плот

Мы с Маринкой задумали построить плот и поплыть по Базыру. Взять в руки шест или весло и, оттолкнувшись от берега, отдать себя на волю волн. — Сначала натащим досок,—объяснила Маринка,—потом придумаем, как их скрепить. Ну и поплывём!

И она показала, как будет стоять на плоту, петь отважную песню и красиво отталкиваться веслом.

Доски найти оказалось не так уж сложно. Там и сям на берегу валялись какие-то горбыли, тёмные и корявые, ненужные досточки, и даже нашлась деревянная, сколоченная в квадрат калитка. Кто-то выбросил.

— Вот,—сказала Маринка,—это самое подходящее для нас плавсредство (Маринка жила в городе и знала умные слова). Готовый плот! Даже ничего собирать и связывать не надо.

Калитка была тёмная и тяжёлая. Она решительно не хотела становиться плавсредством. Мы кое-как тянули её вдвоём до воды и даже вспотели. — Ничего,—бодро командовала Маринка.—Ещё ра-зик, ещё раз!

Наконец будущий плот достиг кромки воды. — Смир-р-рна! К спуску на воду готовьсь!—гаркнула Маринка.

Я встала смиренно и отдала пионерский салют. Меня Светка учила, её недавно в пионеры приняли. — Всегда готов!

Мы собрали последние силы и заволокли калитку в воду на отмели. Плавсредство моментально пошло ко дну.

— Это потому что мелко, всего по колено,—поняла Маринка.—Сейчас давай поглубже затащим.

И стала шарить на дне калитку.

— Подняли!

— Ой!—это я почему-то в самый ответственный момент плюхнулась в воду.

А за мной плюхнулись Маринка и калитка. Нет, сначала под воду ушла калитка, а потом не выдержала Маринка. И тоже—бац прямо в платье! Там потому что дно скользкое, камни. Устоять никакой возможности. А хорошо, что глубже не пошли.

Вылезли мы с Маринкой на берег. Стянули мокрые платья, разложили на камнях, сами сели на крупные валуны. Х-холодно, х-хоть и солнышко.

Дома точно влетит, если платье сырое заметят. Надо сушиться.

— Ерунда!—сказала Маринка, отжимая косу.— Плот потонул, потому что тяжёлый был. Там же гвоздей в этой калитке—ого сколько! Вот и потонул. Ничего,—добавила она.—Мы завтра твою надувную лодку маленькую возьмём. Она точно не потонет. Спробуем!

Как мы гольянов ловили

Мы с Маринкой всегда придумаем, чем летом заняться. Ну, минут пять, конечно, сидим на нашей лавочке и поем: «Чё бы поделать?»

— Ты же говорила, у тебя надувная лодка есть?—вспомнила Маринка.

А мне мама из Усть-Каменогорска в позапрошлом году надувную лодочку привезла. Оранжевая сверху и белая внизу, со дна.

— Тащи давай!

И вот мы уже бодро шагаем на Базыр—и лодочка в судотом виде под мышкой.

Если вы не знаете, Базыр—речка быстрая, даже горная. Она очень шустро бежит. Не шибко глубокая, в основном по колено. И камни на дне. Жуть холодная, даже в самую жару.

— Давай сначала по одному,—предложила Маринка.—Она чего-то хлипкая с виду, двоих не выдержит. Надувай!

Я дую, а она как-то хило надувается. Ещё дую—ну не знаю, вялая, и всё.

— Дай я,—говорит Маринка.

Она выше меня, хотя младше на год, а ещё в бассейн ходит у себя в городе. Лёгкие у неё сильнее.

Дует Маринка со всех своих пловецких сил—всё равно никак упругой лодка не становится.

— Думаешь, где-то утечка воздуха?—я же говорю, Маринка страшно умная.

Стали слушать, где шипит. Нашли. На боку расклеилась наша лодочка—вот и щель! М-да, не надуем...

— Брось, не вешай нос! Пошли лучше гольянов заводить!

Заводить—это, чтоб вы знали, не разводять, а ловить. В ручьях, которые впадают в Базыр, гольяны водятся. И мы их заводим!

— И лодка твоя пригодится! Давай наберём в неё воды — и рыбу туда пустим!

В этот день нам не на шутку повезло!

— Первым делом платок снимай! — командует Маринка.

А мама мне всегда светлый мягкий платок повязывает, ну, от комаров там, от солнца. Я его, конечно, всякий раз снимаю, но тут он отлично пригодился.

— Вот здесь вставай, эти два конца привяжи к палке, палку вот так клади, а сама держи другие концы. Чтобы как сеть было! А я тебе щас целый косяк пригоню. Держи крепче, чтоб платок водой не унесло!

И Маринка пошла по берегу вверх по ручью.

— Готова? — кричит.

— Ага! Гони!

И вот уже она идёт по воде, шурует длинными ногами по ручью, баламутит воду — и, наверное, гонит целый косяк!

— Подымай! — и сама на помощь ко мне, потому что с двух сторон надо поднимать — быстро и аккуратно, а то упустишь.

Р-раз! — подымаем платок. О! Улов! Добыча! — в тряпку трепещется целая кучка серых гольянов. — Тащи их сюда, в лодку выплещивай!

А в лодке у нас уже воды набрано; она хоть и с мягкими бортами, дырявая, а воду держит, и теперь в этой воде вон сколько гольянычков плещется!

Мокрый платок у речки забыли, конечно. Вспомнили уже около дома. Точно от мамы влетит! Попадёт по первое число!

Пока до дому несли рыбок в лодке, вода почти вся ушла в щель и половина гольянов передохла. Мы их Барсику скормили. Он остался доволен!

А остальных мы в трёхлитровую банку посадили. Только чёрт знает, чем их кормить? Комаров, что ли, для них ловить? Назавтра пошли и выпустили в ручей.

А за платок всё же попало.

Как мы с Маринкой испугались

Когда наступает лето и Маринка приезжает из города в наш посёлок на каникулы, мы с ней с утра до вечера вместе. И всегда интересное занятие найдём. Или влипнем в какую-нибудь историю. То я шишек на ровном месте набью, то она на гвоздь босой лапой наступит. Всяко бывает.

Вот раз собрались мы с ней за грибами. Очень уж мы любим это дело — грибы собирать! Нас хлебом не корми — дай пошляться по горкам-лесочкам в поисках сыроежек. Уж не знаю, но нас всегда отпускали вдвоём и никогда за нас не боялись.

Утро раннее, идём бодрым шагом. Я еле поспеваю за Маринкой, у неё ноги длиннющие и шаг широкий. Она ещё коров боится, потому что городская, и за три версты их обходит. А коровы

ранним утром кругом лежат, жвачку гоняют, додрёмывают. Им дела до Маринки нет.

У Маринки корзинка бабушкина, у меня красное пластмассовое ведёрко маминым платком повязано.

А навстречу — бабка Еремеиха. С пустыми ведрами — по воду на родник собралась. Вот ведь попалась же — сглазит удачу!

— Вы, что ли, по грибы? — говорит. — Дак нету ничё, я вчера ходила, ток пару сыроег сломала. Нету.

— Ага, нету — как бы не так! Чё она бабьим глазом-то своим усмотрит? — сердито ворчит Маринка.

Места грибные мы давно знаем — и никому не показываем. У нас нюх на грибы и глаз намётан. Вот выходишь на полянку, а там травка низенька, а вокруг лесок жиденский и пеньки корявые. И залысинки какие-то без травы, и лужица сбоку. Непременно должен быть гриб. Пахнет грибом! — А я нашла! — кричит Маринка. И гордо поднимает над головой срезанную красную сыроежку. — Ой, и я тоже! — у меня из-под сухой травы два крохотных маслёнка вылезают. Хорошенькие, сопливые!

— Слышь, пошли на ту полянку, где в прошлый раз бычки были!

Бычки, если вы не знаете, это грибы такие крутобокие, пузатенькие, вечно в крошках земли и слизи, но вкусные.

Сказано — сделано! Битый час лазим по косо-гору, и по заветной полянке, и вон в том берёзовом колке рыщем — нет грибов! Ну хоть бы одна заваливающая сыроежка! Как корова языком слизала!

— Это всё Еремеиха! Чёрт её дёрнул за язык!

— А помнишь, мы в прошлом году за дорогой в березняке на белые наткнулись? — вспомнила Маринка.

Ну, было дело, да. Возвращались уже и за дорогой решили так, для смеха, пройтись. А там боровички — белые бочки один за другим! Мы ж от такой удачи дар речи потеряли!

А чтобы к дороге попасть, надо по крутому, почти отвесному косо-гору спуститься. Ну прям обрыв. Я как-то опасаюсь ногу-другую переломать. Стою, сомневаюсь. А Маринка храбрая.

— Давай, — говорит, — я первая! — и на меня оборачивается.

И бледнеет почему-то. И глаза, и так большие, совсем огромные становятся. Мгновенно с бровки обрыва начинает скользить-спускаться. Цепляется быстро-быстро за какие-то кустики и большими шагами — вниз, вниз. Я оборачиваюсь, а в пяти шагах от меня, прямо над обрывом, дядька чужой стоит. И нож длинный в руках держит. Тоже, видно, грибы собирал. Стоит этот дядька, молчит и смотрит.

Как-то мне это не по себе стало.

— Маринка, меня подожди! Не торопись, в лесок забежим! — а сама хвать-хвать — и где скользком, где лётом с этого косягорчика!

Маринка уже внизу и шагом-бегом, на меня оглядываясь, кричит:

— Лен, давай сюда, тут грибы должны быть!

А я-то вижу, как ей страшно: платок на сторону, волосы растрепались, глаза безумные.

— Да подожди, я жас, — кричу.

Через дорогу шнырь, в лесок шась — и раз-раз полубегом от страшного дядьки! Догоняю Маринку. Та отдышаться не может.

— Тебя куда понесло?

А ты видела? — и сама опять шаг ускоряет.

Не до грибов как-то, даже по сторонам не смотрим.

— Ну, видела, мужик какой-то, не из наших, незнакомый.

— А ножик?!

— Мож, грибник?

— С таким кинжалом?!

Только дома в себя приходим. Но никому ничего не рассказываем. Ещё чего! Тогда нас вообще никуда не отпустят. А в тот лес больше не пойдём. Ну нету там грибов. Нету.

Жутко-страшно-весело!

Мы с Маринкой очень любим грозу. Уж больно это красиво, страшно и удивительно! Первое дело — как она приближается. Вот из-за Горячей горы, как вражеские полчища, наползает синяя туча. И сразу весь мир меняется: по дороге пылит-копытит коровье стадо, мычит тревожно, тётки соседские на разные голоса орут — скотину загоняют, моя мама и Маринкина бабушка бегом бросаются во двор — бельё с верёвок снимать. Мы с Маринкой прыгаем от радости и тоже бежим спасать простыни и пододеяльники, обязательно в них запутаемся, орём и хохочем!

А кругом во дворе — суматоха: собаки брешут, козы блеют, Оська пьяный на крыльце поёт: «Врагу не сдаё-отся наш гордый „Варяг“!», — кто-то бежит в огород — закрывать огурцы, кто-то спешит выставить вёдра и кадки под дождевую воду, тётя Стюра подушки с забора тащит в дом — жара ж была, вытащила сушить!

Мы с Маринкой обычно во время грозы устраиваем такую веселуху: в самую гущу ливня, в самый разгар, под грохот и молнии, вдвоём выбегаем — в одних платицах и босые! — и вокруг дома наперегонки! — бегом, вопя от страха! Ух-х, жутко-страшно-весело!

А туча всё синее, нет, чернее, жуть в ней какая-то накинута... ветер рвёт мамин платок с головы, летят, кувыркаются, как сумасшедшие, какие-то скомканные газеты... И вот первые крупные капли уже дробят пыль. Ещё несколько минут — и небо обрушится на землю сплошной стеной!

— Ой, — вдруг говорит Маринка. — Как думаешь, успею? — и сама глазами на наш сортир показывает.

А он от дома метрах в ста — деревянный домик на четырёх кабинки. Как говорят взрослые — удобства во дворе. Ага, там такие удобства!

— Давай летом, пока бабушка не видит!

И Маринка уже огромными шагами туда бежит. А я из подъезда выглядываю: успеет или нет?

И тут молния как полыхнёт — мы аж присели! А тётя Стюра крестится и за своих поросят боится, она их загнать не успела. А Маринка засела в кабинке! Нашла время!

И в этот волнующий момент во двор въезжает огромный грузовик, брёвна в кузове. Наверно, с лесхоза дядя Толя приехал. И едет как-то неровно, ну как пьяный. И, мама дорогая, прямёхонько на столб правит! — ну, столб обычный, который с электрическими проводами. Мы и рот открыт не успели — а он бортом по столбу как даст! Скрежет и треск! Столб пошатнулся, но устоял, искры снопом посыпались от проводов, и один провод — честно, как во сне всё! — вдруг отрывается, искрами синими сыплет и падает.

А сверху удар грома — бабах!!!

Грузовик так и встрял посреди двора, дядя Толя из него вылез — и бегом домой, звонить, наверное. Что беда, что провод под током во двор упал!

А Маринка из туалета как раз выходит. И, ясное дело, сначала ничего понять не может. А я ору: — Маринка, давай бегом в обход! За домом беги! От провода подальше! Провод упал!

И она своими длиннющими ногами хвать-хвать по тротуару, по периметру двора — к нашему подъезду. А в нём, ясен пень, и лампочка погасла. И вообще, весь вечер света не было. Ну, к таким вещам-то мы всегда привыкли.

Назавтра провод убрали, заменили, электричество дали. Ну, дяде Толе за эту историю со столбом влетело, наверное, по первое число! Только нам родители ничего такого не рассказывают.

А гроза-то мимо прошла, за горой где-то пролилась. А нас только попугала. Пару раз сверкнуло да ахнуло. Даже пыль не прибило. Не удалось нам с Маринкой вокруг дома под ливнем погонять.

Сороки-воровки

Летом мы почти не сидим дома. Но иногда родители оставляют меня одну: отец с братом на рыбалке, а мама в магазине (колбасу выбросили). В семь лет вполне уже можно одному дома куковать.

И вот сижу я, в мамыны коробки со старыми журналами зарылась, там много чего интересного можно накопать. А тут Маринка приходит. И приносит восхитительную вещь — серпантин! Блескучий такой, праздничный — розовые и бирюзовые рулончики, распадающиеся на спиральки. Сразу Новым годом запахло, как будто даже мандариновым духом потянуло.

Как мы с Маринкой блины стряпали

И мы стали играть в новогодний магазин. Как будто Маринка — продавщица в этом магазине и разные блестящие штучки продаёт. И вот разложила она на стуле товар: рулончики серпантина, кедровую шишку (мы её под шкафом нашли, с осени закатились), игрушечную ёлку и маленького пупсика-снегурочку.

А мне так серпантин хочется! Ну просто глаз не оторвать! Такие спиральки заманчивые!

— Почём серпантин? — спрашиваю.

И Маринка важно отвечает:

— Двадцать пять рублей!

И вдруг меня осеняет:

— А у меня есть!

Я вспоминаю, куда мама вчера положила деньги — в шкаф, в старую чёрную сумочку! Она ещё там документы хранит.

Я быстро ныряю в шкаф, достаю из сумочки наугад немножко цветных денежных бумажек — целых четыре: жёлтенькие, синенькие, красные, — и подаю Маринке:

— Мне четыре рулончика серпантина!

И получаю желанный серпантин! Каждый рулончик, тяжёленький, с металлическим фольговым блеском, несказанно хорош! Я приберегу их к празднику. Спрячу подальше, в мою заветную коробку из-под куклы Алёнки. Подумаешь, каких-то полгода до Нового года! А когда придёт праздник и я пойду на ёлку в школе, я его буду запускать, как в «Голубом огоньке»! Зажмёшь рулончик в кулаке, размахнёшься — и блескучая весёлая спираль летит далеко, опутывая в праздничную сеть всех вокруг!

Маринка деловито спрятала красивые бумажки в кармашек платья и сказала:

— Давай уже гулять пойдём, а то скучно! Только я домой забегу, бабушка обедать звала! — и убежала.

Скоро стукнула входная дверь — это пришла мама. Ура, можно идти гулять!

Сначала — на огород! Маринка уже туда прибежит — знает, где меня искать.

Но на крыльце меня взяла за руку Маринкина бабушка. Она странно и строго посмотрела на меня и сказала:

— Пойдём-ка! — и мне стало как-то не по себе.

Анна Семёновна достала из кармана уже знакомые мне четыре бумажки — две жёлтеньких, синенькую и красенькую — и протянула маме: — Ваши?

И у мамы почему-то авоська с хлебом и колбасой из рук выпала.

Три дня в наказание меня не выпускали играть на улицу. Мама стыдила и ругала меня на все корки так, что я по прошествии трёх дней боялась на людей глаза поднять. Мне казалось, что все соседи на меня пальцем показывают: «Воровка!»

Но самое обидное, что прекрасные рулончики серпантина пришлось вернуть Маринке.

Мы с Маринкой очень любим готовить — а потом с особым шиком и вкусом поесть приготовленное. Это так занимательно: берёшь скучные сырые и почти несъедобные куски того-сего — а в результате получаешь вкуснятину! В особо торжественных случаях мы даже устраиваем пирок! Ну, то есть маленький пир. Но об этом в другой раз — отдельно расскажу. Прихожу я к Маринке с утра, а она одна сидит: бабушка на огород ушла, картошку полоть-окучивать. Чем бы заняться? Это, как вы понимаете, главный вопрос!

— У бабули сегодня день рожденья, вечером гости придут, — говорит Маринка. — Что бы ей такое подарить?

Бабушка у Маринки мировая! Анна Семёновна — так её зовут. Она раньше учителем работала, биологию преподавала в нашей поселковой школе. Анна Семёновна домовита на удивление! Вот только порог переступишь — и сразу в какой-то удивительный мир окунёшься! Кругом такая чистота-лепота, что и наступить страшно! Прямо пахнет чистотой и вкуснотой, и сразу Анна Семёновна тебя начинает потчевать! Молоко с душистой пенкой — ух! Печенья с корицей — ах! — А я знаю, что подарить! Надо её удивить! Мы ей... блинов напечём!

— Ух ты, давай! А ты умеешь? — засомневалась Маринка.

— А то! Я их переворачиваю знаешь как? На лету!

А мы с братом недавно фильм по телеку смотрели — «Мой любимый клоун» называется. Хороший фильм. Там главный герой блины печёт: р-раз! — немного дёрнет сковороду на себя — блин взлетает и в воздухе переворачивается! — и точно на сковородку попадает. Класс! Мы с Игорёшкой тоже стали так переворачивать! И у нас не хуже получалось, чем у клоуна.

— Значит, так! Командовать парадом буду я! — я эту чудесную фразу тоже в фильме услышала, в другом, где Андрей Миронов в длинном таком шарфе и в фуражке с козырьком Остапа Бендера играет.

Обычно-то Маринка командует. А по блинам я главный мастак. Маринка на подхвате.

— Тащи молоко и яйца!

Маринка нырк в холодильник! У Анны Семёновны всё есть!

— Та-ак, а где у вас мука? В буфете?

У Анны Семёновны здоровский такой буфет, белый, он мне давно нравится. Откроешь его — в обморок можно упасть от одних запахов! Ваниль, корица, черёмуха! Все приправы, крупы, мука — всё там. Мы с Маринкой любим в буфет потихоньку залезть и ложку-другую черёмуховой кручёнки из банки незаметно тяпнуть!

Мука на верхней полке. Маринка встала на табурет, вытянулась длинным своим телом и начала шарить на полке.

— Вот, кажется... А! Мама! Лови!—и Маринка, неловко ступив мимо табурета, рухнула на пол. Мука тоже!

Маринке-то ничего, потёрла ушибленный локоть и встаёт, а вот муке...

М-да... Бумажный пакет с мукой лопнул по шву и щедро усыпал всё в радиусе двух метров. (Вас, может быть, удивляет слово «радиус»? У меня мама математику преподаёт, между прочим! И слова «радиус», «периметр», «диаметр» я с трёх лет знаю!)

Мы кое-как смели муку в совок и ложками переложили её в пакет побольше. Вы думаете, мука стала серая? Ничуть не бывало! У Анны Семёновны небывалая чистота, на полу в белом костюме валяться можно!

Ага, теперь всё необходимое есть! Мешаем! И я, как заправский фокусник, начинаю кудесить! Или чудесить? Не важно!

Тесто замесить для блинов—пара пустяков. Яйцо—шлёп! Соль, сода—дзинь! Молоко—плюх! Мука—у-ух! И разболтать. Тесто я всегда на глазок делаю. Так же интереснее. Всякий раз немножко по-другому получается.

Маринка помогает: плитку включила, сковородку приготовила, маслом смазала.

— Лей!

И я поварёшкой лью тесто на горячую сковородку и наклоняю её, чтобы растеклось равномерно. Дело мастера боится!

А блины почему-то в этот раз какие-то клейкие получались. Может, молоко подкисшее было, может, соли много бросили... Ну, первый блин, ясно, комом—его пришлось ножом соскрести со сковородки—прилип, собака!—и в помойное ведро!

Зато другие начали получаться вполне себе ровненькие. Мы договорились ни одного блинка не есть—всё для бабушки! Маринка укладывает их на большую плоскую тарелку и сливочным маслом смазывает. И налюбоваться не может! Первые блинчики я снимала лопаткой и просто кончиками пальцев. Подцепишь ноготком кружевной обжаренный краешек—тонкий, хрустящий—и снимаешь.

А потом решила класс показать.

— Маринка, отойди в сторонку! Смертельный трюк!

Совородочку потрясла—блин отстаёт, ага, готов к перелёту! Хоп—круть!—плюх!—и блинчик, взлетев слишком высоко, угодил прямо на кружевную салфетку, которая на холодильнике. И прилип! Я же говорю—плохо пропекаются... Пришлось выбросить блин. Вместе с салфеткой. — Давай, может, я попробую?—просит Маринка.

У неё рука лёгкая—почему бы и нет?

Кру-уть! И второй блин прилипает к стене! Как они так ухитряются? Третий падает просто на пол—масляной стороной вниз.

— Не дрейфь! Главное—побольше масла добавить, я видела, бабушка так делала!—и Маринка

уверенной рукой подлила из тёмной бутылки прямо в тесто.

— Давай больше не будем с переворотом, а? Просто лопаткой. А то бабушка уже скоро придёт,—сказала Маринка.

А вообще, теста всего на три блина осталось.

Допекли мы блины, даже очень симпатичная стопочка получилась. А аромат!

— Тебе не кажется, пахнут они как-то... как ёлка?

— Да брось, попробуем!—говорит Маринка.

И сама берёт верхний блин, маленький, корявый—ну, потому что последний. И глаза, как кот, жмурит от удовольствия. И вдруг разевает и рот, и глаза—и выплёвывает комок!

— Ты чего туда положила?!—и у самой аж слёзы из глаз!

— Да я ж всё по рецепту!—и сама кусочек отщипываю. И тут же выплёвываю!

ТЬфу! Гадость! Отравы в чистом виде!

Смотрим друг на друга и ничего понять не можем. Почему блины несъедобные?

И тут входит Анна Семёновна. И всплёскивает руками. И столбенеет.

— Батюшки-светы, вы тут чего учинили? И зачем масло хвойное взяли? Я им ноги больные мажу!

Тут Маринку почему-то затошнило, она позеленела и побежала в туалет. Ну, через пару минут всё-таки выползла оттуда, вся в соплях и слезах: — Баб, мы тебе сюрприз хотели... Вот блинов испекли... С днём рождения!

Соседский Толька, картоха и брёвна

После того случая с хвойными блинами Анна Семёновна перестала нас к плите подпускать. Нам волю только дай—такие бесчинства устроим, что мама не горюй!

Меня в наказание на следующий день посадили картошку чистить—целых полведра, причём мелкой, сморщенной, с проростками. Человеку девятый год, а его картошкой наказывают!

И вот сижу я, глазки бесчисленные в картошке выковыриваю, и приходит Маринка. С порога кричит:

— Лен, давай к окошку! Там брёвна привезли!

Смотрю: правда, во дворе в очередной раз свалили огромные лиственничные брёвна. Красота! Лесхоз привёз нам дрова. Батарей летом не греют, но у нас в каждой квартире есть печка, чёрная чугунная печка, с двумя конфорками, топкой и поддувалом. — Пошли по брёвнам полазим?—говорит Маринка.

Ей что, она у бабушки гостит, её работой не грузят. Не то что меня.

— А картошка?

— Не бойсь, щас мы её!—и берёт второй ножик.

И бодренько так начинает строгать кожуру... от себя. Как будто палку какую обстругивает! Две-три картофелины таким макаром обработала и в окно глазом косит:

—Смотри, там Толька тётки-Стюрин вышел. По-годи-ка!

Толька этот старше нас на два года. И уже нос задирает—типа он со всякой мелюзгой вроде нас даже и играть не хочет. Больно нужна нам его компания! Сам весь такой долговязый, большелопый, нос конопатый, а улыбнётся—одного зуба не хватает. Ну, красавчик, одним словом.

И не успеваю я глазом моргнуть, как Маринка—хватя пару мелких картошек, прицелилась в открытое окно и ка-ак пультнёт ею в своего заклятого врага Тольку! А потом ещё и ещё!

А Толька понять не может, откуда мелкие снаряды летят—и метко так!—то в голову, то в плечо... —Стой уже!—хватая Маринку за руку.

И тут мама на кухню входит, видит нас обеих с ножами:

—У-у-у, какие молодцы, почти всю картошку почистили!—а картохи и вправду благодаря Маринкиной меткости в ведре здорово поубавилось.—Ну, бегите играть, я сама доделаю.

И мы пошли во двор, где Толька, сдвинув суровые светлые брови, почёсывал боевые ранения.

А Маринка такая ему—как ни в чём ни бывало: —Толь, может, в прятки сыграем?

Но тут вышла из подъезда тётка Стюра и отправила внука за хлебом.

А мы скорей к брёвнам. Но близко подходить нельзя: воеет бензопила «Дружба», мощные стволы пилят на чурки. Золотым дождём летят пахучие опилки, а мы ждём.

И вот уже во дворе валяются в вольготном беспорядке свеженапиленные чурки—огромные, со смолистой слезой на широком срезе. Это просто праздник! Мы уже наколупали большие куски серы и, довольные собой, жуём и скачем с чурки на чурку. —А давай в «Выше ноги от земли!»—кричит Маринка.

Пока она собирает народ на игру, вот вам правила, вдруг не знаете. Водящий может ходить по земле, а игроки нет, им надо очень ловко передвигаться по всему, что над землёй возвышается: камни, палки, даже щепки подойдут. Можно встать на досточку, фанерку, полено—словом, на что угодно, лишь бы ноги не стояли на земле. Вот мы и скачем. А водящий может поймать нас лишь тогда, когда мы на одной ножке несёмся от одного спасительного островка к другому.

Маринка взялась водить, а мы поскакали от неё во всю мочь врассыпную! Ирка доскакала до крыльца, Толька, который уже вернулся из хлебного и ввязался в игру, встал на краешек тротуара, а я примостилась на большом лиственничном полене; правда, оно шаткое какое-то оказалось—ну да ненадолго же.

Маринка зорко обзор держит: кто первый сорвётся со своего пятачка и рванёт до другого? И тут—бац!—Толька широким скоком с кромки

тротуара—и просто кенгуриными какими-то прыжками до чурки—хоп! хоп! А Маринка всего на секундочку заевалась, потому что подняла глаза на свои окна во втором этаже (там на тот момент Анна Семёновна показалась). Толька стоит на чурке и во весь свой щербатый рот лыбится, а Маринка злится и, конечно, новую месть лелеет.

А в игре хитрость простая: надо караулить самого неловкого, медлительного. Либо стоять совсем рядом с тем, кто носится на одной ноге—будь здоров!

Ирку прямо с крыльца мать утянула—по каким-то домашним хлопотам, и игроков осталось трое: Толька, Маринка и я.

Толька одним прыжком с чурки—р-раз!—и на мостике, который у нас к сараюшкам через грязи великие проложен. И ухмыляется, бес! А я со своего полена скок-скок, как дроздок,—и на щепку примостилась. Маринка только головой туда-сюда—опять не уследила! Вот досада! Так можно и до глубокой ночи водить за нос того, чья участь—догонять, осаливать, пока кто-нибудь не поддастся. Маринка насупилась и, видно, с досады лягнула: —Толька рыжий, конопатый, убил дедушку лапатою!—и язык для пущей красоты показала.

И вдруг Толька быстро нагнулся, подобрал что-то и резко со всего размаха—бац! Маринка заверещала, у меня аж в ушах зазвенело! Ну, игре, ясен перец, конец! Толька заржал, потом ловко, как рыжая горилла, повыше на брёвна забрался, сидит довольный. А у Маринки фингал под глазом прямо моментально налился—полноценный, краснобуро-фиолетовый! Мы бегом к Анне Семёновне, она уже нам навстречу—вопила-то Маринка на весь двор!

А я, когда вела Маринку к крыльцу, обо что-то споткнулась и тут же поняла, чем этот конопатый разбойник залिमонил моей подружке в глаз—той самой картохой, которой Маринка сегодня с утра его обстреливала незаметно со второго этажа—из моего окна. Накидала, понимаешь, на свою голову!

Анна Семёновна тут же к глазу какую-то примочку с бодягой приложила и лёд. А Тольке баба Стюра пригрозила свежей хворостиной: вот только приди домой!

Пирок!

Анна Семёновна старалась оберегать Маринку от деревенских сумасбродных забав. Она, наверное, боялась: приедут из города Маринкины родители, глянут на своё дитя—и ахнут: в косах репы закапаны, все колени в ссадинах, фингал под глазом, след от собачьего укуса на лодыжке, и на гвоздь она вчера наступила—пятка забинтована, хромает.

Мы, конечно, не всегда приходили с боевыми ранениями, в иные дни просто паиньки были. Вот, например, если дожди заливают наш Горычый—сидим тихонько дома, вырезаем картинки

из журнала «Юный натуралист», в тетради потом их наклеиваем. Или сочиняем книжки-малышки со сказками, стихами, смешными историями.

Сегодня после долгих дождей мы выбрались во двор. Маринка потягивается и говорит:

— А что, не устроить ли нам пирок?

— Давай!

Пирок—это маленький пир на открытом воздухе. Подумаешь, обед дома! Кислые щи в облупленной кастрюльке! Подгоревшая яичница с гренками! Душа просит настоящего праздника! И мы немедленно приступаем к его воплощению. — Так, какие чурки возьмём? О, вот подходящая. Помоги-ка!

Кряхтя от натуги, мы перекачиваем огромную неповоротливую чурку, размокшую от дождей. Это будет пировальный стол. К нему подкатываем две чурочки поменьше (на них мы сядем). Но самое-то главное— что?

Мы с Маринкой значительно переглядываемся: одобрит ли нашу затею Анна Семёновна? Это от её благосклонности зависит, будет ли на нашем пировальном столе достойное пира угощение.

— Лен, стоняй на огород, сорви там того-сего, а я пойду бабу на варенье-печенье уговорю.

Я лечу на огород быстрее лани. Да! Вон редиска избоченилась, вылезла из грядки, вон лучок-чеснок! Я даже накопала в кудрявых огуречных зарослях три маленьких первых огурчика! И собрала в сорванный лопух с пяток краснобоких клубничин. Мировой закусон!

Прибегаю, а Маринка уже с добычей: клеёночку на чурку постелила и из корзинки яства разновсякие достаёт!

А в сторонке, стыдливо отводя карий горячий глаз, слегка помахивая серым тугим прутом, Дик облизывается— громадный беспородный пёс, тётя Стюра его подкармливает.

Маринка ставит в пиалке черёмуховую кручёнку, в другой— абрикосовый джем, сыплет горсть кедровых орехов... На большом блюде благоухают рыжие, как солнце, горячие, как сон, пирожки с зелёным луком, пышными барышнями улыбаются запашистые ватрушки с творогом...

Мы уже истекаем слюной, нам не терпится начать пированье, но Анна Семёновна решила оглушить нас сегодня небывалой щедростью: в глубокой тарелке несёт здоровенную жареную курицу!

Дик садится и застывает, уставившись уже в упор на эту вакханалию вкуса. Мимо нашей пировальной чурки как бы случайно проходит тётя-Стюрина чушка, потряхивая ушами, переваливая грязные бока. Иди, иди, матушка!

Наконец мы усаживаемся, взирая на это великолепие, не веря очам своим и обонянию.

— Нет,— решительно говорит Маринка.— Мы недостойны вкушать такое роскошное изобилие вдвоём! Надо позвать бедных и голодных!

Слов нет— справедливо!

— А где мы их возьмём?— осторожно спрашиваю я.

И в этот момент на крыльцо выползает сосед Оська: глаза-щёлочки, майка-алкоголичка, штаны еле поддёргивает— с похмелья. Щерится на божий свет, но и за голову держится— худо ему.

— Может, его пригласим? Он такой худой, наверно, дома укусить нечего. А?

— Да, годится! Доброе утро, дядя Ося!

Сосед застывает на пару секунд, не понимая, откуда на него с утра столько добра сыплется. Потом видит нас, широко улыбается и нетвёрдой походкой направляется к нашей чурке.

— Угощайтесь!— Маринка широким жестом властелина приглашает Оську разделить с нами тук земли.

Он, сонно покачиваясь, смотрит на нас плавающим взглядом и говорит хриплым шёпотом: — А выпить нету?

— Нету,— грустно отвечает Маринка.

— А-а-а,— зевает Оська и с глубоким сожалением отламывает полкурицы.

Жирный сок течёт по его грязным худым пальцам. Он уходит, грызя на ходу куриную ногу— видимо, к другим щедрым людям, которые нальют.

— Душераздирающее зрелище!— говорит Маринка.

Это она из мультика про ослика Иа вспомнила.

— Ещё поищем бедных и голодных?— спрашиваю.

Сами мы ещё ни пирожка съесть не посмели.

И как раз из соседнего дома выбегает Польшка Опаликова— белобрысенькая, кудлатая, колготки киселём висят (ей лет шесть), с утра ещё не умытая. Семейство у них многодетное, шепутное, полуодетое— но очень весёлое.

Маринку тотчас осеняет:

— Поля, поди-ка сюда! Митька с Венькой ещё спят?

— Не-а, они по воду пошли, мамка велела...

А сама глаз с нашей пировальной чурки не сводит. Не хуже Дика.

— Зови братьев, Иришку тож, у нас пир! У меня день рожденья! Угощай!

— У тебя разве не в апреле?— сомневаюсь я.

Но Маринку уже распирает от щедрости и широты души.

Опаликов— так их все зовут во дворе— долго звать не приходится! Не успели мы с Маринкой глазом моргнуть— а вокруг нас зачавкало, захрустело на зубах, за ушами запищало наше угощение. Вмиг обглоданные куриные кости полетели в сторону ошеломлённого Дика, ватрушки моментально исчезли в ненасытных утробах Опаликов, испарился луковый запах вместе с пирожками, слопали оглоеды даже от редиски хвостики, и невесть откуда слетевшимся голубям достались только творожные крошки. Мы с Маринкой, потрясённые голодным налётом Опаликов, успели

только схрумкать зелёные огурчики, как от нашего пировального стола осталась клеёнка, а сытые Опалики катились уже к себе, размазывая по щекам остатки абрикосового джема.

— Да,— сказала Маринка в задумчивости.— Не очень-то на пир было похоже! Похватали, проглотили, убежали! Разве так надо? Это же ПИР! Понимаешь, я вижу так: движения—величавы, речи—затейливы, тосты, песни...

Я аж заслушалась. Умеет Маринка речь толкнуть! — Зато бедных-голодных накормили! А?

К Маринке подошёл Дик, сытая умильная морда, и облизал ей руки. А потом, наглец, стал слизывать с клеёнки оставшиеся после пиршества крошки. — Да ладно, Марин, в другой раз сделаем точно так, как ты говоришь: с тостами, с песнями... Пошли, что ли, посуду помоем?

Секретики

— Вы, что ли, подкоп какой делаете?— бывало, спрашивает нас тётя Стюра, гремя пустым помойным ведром.

Платочком она повязана низко, по самые глаза, ходит вперевалочку, похлопывая галошами, остаётся посреди двора, посмотрит из-под руки...

Подкоп! Понимают ли эти взрослые, что мы ни много ни мало—клад закапываем?! Секретиком называется! Мы с Маринкой—как и все приличные люди—делали секретики. Выкапывали небольшую ямку где-нибудь в укромном месте (под тротуаром в самый раз), клали в неё маленькое сокровище—красивый фантик, чудной камешек, старую брошку—и закрывали стёклышком от бутылки. Только—тс-с-с!—строжайший секрет! Об этом никто не должен знать!

Лучше, если стекло вышуклое (отколыш от горлышка) и даже цветное—зелёное газировочное или пивное коричневое, тогда секретик сморщится ещё эффектней. Засыпаешь секретик землёй, замаскировываешь кусочком дёрна или камушком, щепкой какой—ну, чтобы не заметил, не выкопал никто—и забываешь о нём, лучше надолго. А в каком-нибудь другом месте, за домом, например, или в палисаднике, ещё пару таких секретиков закапываешь. Самый смак, самое удовольствие—показывать потом секретики: аккуратно разроешь землю в заветном месте, а там сквозь стёклышко—живая картинка. Оранжевая календула, или огромный кузнечик на лепестке пиона, или белочка на фантике... И чем больше у тебя секретиков, и чем причудливее, неожиданнее они, тем больше тебе уважения и почёта. Жаль только, иногда мальчишки (они секретиков не делают), прознав о наших сокровищах, разоряют, вырывают наше добро—какая обида, какие горькие слёзы, когда видишь это разорённое гнездышко тайны!

Всякий раз нам хотелось удивить друг друга каким-нибудь редким, необычным секретиком.

Я, пока одевалась, заметила на полу какую-то блестящую штуковину. Ух ты! Колечко! Такого красивого я никогда не видела. Тонкое, гладкое, с блестящим маленьким камешком. Откуда оно у нас? Мама колец не носит...

Спросить было не у кого. Вот какой я секретик сделаю! И уже думаю, как Маринка умрёт от зависти, когда мой секретик увидит.

Разрыла в палисаднике у забора землю, оторвала небольшой кусочек дёрна, в ямку лист подорожника постелила, на него цветок ромашки пристроила и в серединку цветка колечко положила. Сверху прикрыла припасённым зелёным стёклышком. Получилось дивное загляденье!

Навела маскировку—и бегом к Маринке!

Нате-здрасьте! А она горючими заливается! — Ты чего?

Ещё пуще рыдает. Прямо развела сырость, а с чего, сказать не может. Оказалось, её под домашний арест посадили. Её мама, тётя Валя, говорит, что Маринка кольцо стащила. А Маринка знать не знает, какое кольцо. А главное, обидно! — Эх ты, нюня!—и чувствую, как меня распирает от радости и гордости.— Такое, что ли, маленькое, с камушком?

Она мокрющие глазища на меня подымает и уже сияет:

— Ты где нашла?

Так и так, говорю. А я вспомнила: тётя Валя же вчера у нас целый вечер сидела, они с моей мамой вместе пельмени стряпали. Вот, значит, сняла и забыла. *Сронила колечко со правой руки...* Я такую песню по радио слышала.

Понеслись во двор, в палисадник со всей мочи.

А в палисадник калитка распахнута!

О нет! Мой секретик!

А там вместо секретика—разрытая ямка, комья и дёрн во все стороны! Как Мамай прошёл!

— Пошли вон отсюда! Хари прожорливые!— Маринка редко так ругается, а тут как с цепи сорвалась: хватает что ни попадя—комья земли, куски дёрна, щепки какие-то—и в тётю-Стюриных свиной швыряет.

Эти рыла вислоухие калитку в палисадник вышибли и всё в нём перерыли. И когда успели? Червей, что ли, дождевых трескали? И мой дивный секретик с тётю-Валиным колечком под раздачу попал! Схрупали похода без разбора! Ищи-свищи его теперь в этих ненасытных утробах!

А ведь кто-то и найдёт, подумала я. После того, как колечко естественным путём покинет свиную тушку. Где-нибудь тут, в травке, в духовитом свином... э-э-э... навозе—и найдёт.

Мы тётю Вале всё честно рассказали о судьбе её колечка. Она так смеялась, что полчаса слёзы утирала. Хорошо, что колечко недорогое оказалось. Не бриллиантовое.

И чего тогда надо было шум поднимать?